

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ЕЛЬДЯКСКАЯ КРЕПОСТЬ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧ. XX ВВ.

Э. В. Камалеев

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра
Российской Академии наук, Уфа, Россия. kamaleev-ilvir@mail.ru.*

В статье приведены результаты историко-археологического изучения Ельдьякской крепости XVIII – нач. XX вв. Форпост был основан как ключевой опорный пункт царского правительства на севере Башкирии, куда были переселены казаки с целью несения военной службы. Со дня своего основания первопоселенцы крепости принимали активное участие как в подавлении башкирского восстания 1735–1736 гг., так и в ключевых сражениях Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Материалы археологического изучения культурного слоя Ельдьяка фиксирует два исторических этапа. Первый этап связан с ограниченным военным бытом казаков XVIII – первой половины XIX вв. На второй период приходится мирная история жителей села Ельдьяк второй половины XIX – первой половины XX вв.

Ключевые слова: *Новое время, подъемный материал, гончарная керамика, культурный слой, Ельдьякская (Ельдьяцкая) крепость.*

История возникновения и развития русских крепостей на территории Башкирии XVI–XIX вв. связана с изучением социально-экономической, демографической, военно-политической жизни его населения, составленной на основе архивных материалов. Существующие на данные моменты архивные материалы рассматривают вопросы, связанные с социально-экономической деятельностью населения укрепленных форпостов, взаимоотношения с коренным населением и военно-экономическую ситуацию в период башкирских восстаний. Вне поля зрения исследователей по сей день остаются проблемы формирования крепости и его оборонительных укреплений, внутренней планировки, основы материальной культуры и особенностей быта его населения на локальных территориях. Ответить на данные вопросы призваны комплексные историко-археологические исследования, в которых ключевая роль отводится археологической науке, способной существенно расширить существующие знания и пополнить ее источниковую базу.

В начале 1737 г., согласно доносам (материалам) И. К. Кирилова, на территории Башкирии было «...построено и строить зачато 18 городов и городков, в том числе в нескольких живут» [Буканова: 1997, С. 136]. К уже построенным форпостам на территории края следует отнести Уфимскую, Бирскую и Табынскую крепости. Из вновь возникших в 1735–1736 гг. городков необходимо отметить Ельдьякскую и Нагайбацкую крепости. Данная работа посвящена комплексному историко-археологическому изучению Ельдьякской

крепости XVIII – нач. XX вв., связанная с привлечением архивных и опубликованных источников, материалов разновременных карт и, в первую очередь, натуральных археологических исследований на его территории.

Одно из наиболее ранних сведений о населенном пункте содержится в «Топографии Оренбургской» коллежского советника П. И. Рычкова. Благодаря его труду известно, что «Ельдятская крепость в Башкирии Сибирской дороге на р. Уфа, между гор, от г. Уфы 160, а от Оренбурга 493 версты. Она построена при статском советнике Кирилове в 1735 году. Звание ее происходит от Башкирской Ельдятской волости; ибо стоит на земле той волости башкирцев. Гарнизону в ней ныне половины роты пехотной да служивых казаков 100 человек; жительства дворов со 100; церковь во имя Нерукотворного образа Спаса; укреплена с наружной стороны оплотом» [Рычков: 1762, С. 212].

В то же время, из материалов судебного производства Бирского уездного суда по поводу спорных межевых земель со стороны казаков дано показание, что «... крепость построена в 1736 г. по распоряжению правительства на землях башкирцев Ельдьяцкой волости; до 1768 г. казаки владели землею без всякого отвода вообще с башкирцами...»¹.

В другой работе П. И. Рычкова «История Оренбургская» приложена таблица «Роспись от Оренбурга до Самары что на Волге, по первой

¹Национальный архив Республики Башкортостан (далее НА РБ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 3.

Московской дороге и в Уфимской провинции, также со стороны Сибирской от статского советника Кирилова назначено городков» от 1736 г., в которой, по отношению вновь возникших Ельдякской и Кубовской крепостей, дано следующее пояснение: «каким быть нерегулярным, о том не определено, однако в тех местах разве малое число их потребно, ибо довольно мешеряков» [Рычков: 2001, С. 71].

Незначительная численность служивых казаков подтверждается архивными сведениями, по материалам которых известно, что из Ельдякского городка капитан Чертов командовал партией во 100 человек драгун и солдат, и с ними мешеряков и иноверцев – 220, во время восстания в 1736 г. обратился в бегство восставших [Материалы по истории...: 2002, С. 197].

Все казаки служили до тех пор, пока были в силе, в отставку увольнялись только лишь за увечьем и дряхлостью. Состоя на службе никакого содержания от казны не получали, за исключением одного лишь нерегулярного корпуса. Каждый из казаков должен был содержать себя на средства, какие изыскивал от владения землей и угодьями, какие были предоставлены в общее пользование; кроме того, он должен был иметь двух строевых лошадей и вооружение... Независимо от всего этого, казаки несли разного рода земские и натуральные повинности, платили деньги на содержание станичных властей и присутствия [Старики, 1891, С. 71–72].

Осознавая тяжелое положение казаков, И. И. Неплюев в 1748 г. ходатайствует в Сенат о создании «Оренбургского казачьего войска», куда, в том числе, вошли нерегулярные части Ельдякской крепости [Старики: 1891, С. 74].

По материалам Национального архива РБ известно также, что в 1768 г. по указу Уфимской провинциальной канцелярии казакам был сделан отвод в 24,5 тыс. десятин земли¹. В дальнейшем, по договору между казаками и башкирами д. Седяш от 24 июля 1794 г. казаки получили в аренду землю на 20 лет². Для сравнения: на 200 человек стрельцов Солеварного городка в центральной части Башкирии в 1689 г. было выделено всего 679 десятин земли³.

В Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, вспыхнувшей в сентябре 1773 г., гарнизон Ельдякской крепости уже к декабрю оказался в руках восставших. Согласно материалам И. М. Гвоздиковой, известно, что в апреле

1774 г. Салават Юлаев отправил в городок 200 человек с целью усмирения волнений казаков во главе с отстраненным атаманом Старковым. В ходе экспедиции был наведен порядок в крепости и оштрафован на 200 руб. атаман Старков с запретом в дальнейшем атаманствовать в Ельдяке [Гвоздиков: 1999, С. 393]. Однако уже 25 сентября того же года крепость была захвачена Рылеевым вместе с денежной казной и солью [Гвоздиков: 1999, С. 442].

Решающее сражение между отрядом Салавата Юлаева и правительственными войсками произошло 22 сентября 1774 г. недалеко от Ельдякской крепости. По сообщению подполковника И. К. Рылеева, отряд восставших численностью до 3 тыс. человек обращен в бегство, а несколько сот человек было побито при преследовании [Крестьянская война...: 1975, С. 231]. На месте указанного сражения возле Ельдякской крепости уже в 1775 г. было приведено в исполнение наказание атаману восставших – Салавату Юлаеву – 25 ударов кнутом, а также вырваны ноздри и поставлены знаки на лбу и щеках [Крестьянская война...: 1975, С. 334].

В апреле 1835 г. казаки крепости выступили против общественной запашки и грозили перебить войсковых чиновников. После подавления выступления карательным отрядом под руководством военного губернатора В. А. Перовского 170 казаков были преданы суду и получили различные наказания [Очерки по истории...: 1966, С. 97–98]. Данное событие имело решающее значение в определении дальнейшей роли Ельдяка как укрепленного опорного пункта на севере Башкирии. Согласно «Журналу заседания Комиссии о наделении землей припущенников деревень Седяшевой и Урюшевой Ельдяцкой волости Бирского уезда», в межевом споре от 1854 г. указано: «... земля бывшей Ельдяцкой крепости, что ныне село Ельдяк...»⁴. Вероятно, в период с 1835 по 1850 гг. Ельдякская крепость утратила свое военное значение и приобрела статус села. В это же время, а именно в 1835 г., казаки Табынской крепости были переселены в поселок Полтавский, в результате чего форпост также прекратил свое существование [Модестов: 1914, С. 17].

В 1842 г. в селе было 337 дворов с 2203 жителями, имевшими 1900 десятин посева, 7410 десятин сенокосных угодий, 15136 десятин леса. Во второй половине XIX в. численность села Ельдяк в период с 1870-х гг. и вплоть до 1920-х г. сократилось до 400–500 человек при 85 дворах [Асфандияров: 2009, С. 494]. В 1956–1959 гг. жи-

¹Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 10. Л. 73.

²Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 36. Л. 50.

³Там же Ф. 2. Оп. 12. Д. 74. Л. 11.

⁴Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 18 об.

тели покинули населенный пункт в связи со строительством Павловского водохранилища, переселившись в близлежащие населенные пункты, в частности, село Атамановка.

Удобное расположение крепости на мысу правого берега р. Уфы, образованного поворотом русла, не требовало сооружения значительных оборонительных укреплений, о чем ранее свидетельствовал И. К. Кирилов. Строительство оплота на внутренней площадке мыса, у его основания, решало задачу обороны поселения в случае возможного нападения. Аналогичным образом в северо-западной и северной части Башкирии строились многочисленные городища бахмутинской культуры эпохи раннего средневековья, с той лишь разницей, что в качестве площадки для поселения использовались высокие мысовидные площадки или коренные террасы рек [Колонских: 2016, С. 89].

Стоит также отметить, что расположение Ельдякской крепости среди аналогичных поселений XVI–XX вв. является единственным примером на территории Башкирии удачного использования ландшафта местности, для которой не требовалось строительства круговых замкнутых оборонительных укреплений.

Наличие самих фортификационных сооружений не было зафиксировано по результатам археологической разведки под руководством к.и.н. В. В. Овсянникова в 2001 г. [Обыденнова, Овсянников, Бубнель, Проценко, Бабин: 2016, С. 287], ни в 2016 г. в ходе экспедиции сотрудников ИЭИ УНЦ РАН под руководством к.и.н. Э. В. Камалеева. Вероятно, фортификационные сооружения были разрушены во время строительства корпусов физкультурно-оздоровительного комплекса (далее ФОК) «Звездный» и проведения ландшафтных работ на его территории.

В то же время, по результатам инвентаризации объектов археологического наследия на территории Караидельского района в 2009 г. под руководством к.и.н. И. М. Акбулатова был зафиксирован вал шириной 3 м, высотой 80 см, который нанесен на глазомерную съемку А. М. Сайтова 2006 г. в качестве приложения к тексту отчета¹.

На исторических картах Ельдякской крепости 1804 г. и 1828 г. также не зафиксировано наличие валов. В частности, на карте 1804 г. крепость занимала центральную площадку мыса, в центре которого находилась церковь (Рис. 1, В). Восточ-

ную оконечность села, судя по карте, занимало кладбище, а также немногочисленные одиночные постройки, либо подворья жителей. На карте 1828 г. зафиксированы те же границы села с той лишь разницей, что погост расположен южнее оз. Фомина, не менее чем в 1 км западнее населенного пункта (Рис. 1, Г).

Схематичность указанных архивных карт села Ельдяк не позволяют точно позиционировать расположение населенного пункта и его границы в современных условиях. Необходимо также учитывать тот факт, что часть мыса, образованного поворотом русла реки Уфа, на котором располагалось село, оказалось затоплено в ходе наполнения Павловского водохранилища в период с 1959–1961 гг.

Следует предполагать, что большая часть площадки крепости и его культурного слоя находятся под водой. Об этом также свидетельствуют местные жители, которые указывают, что в периоды наиболее значительного падения уровня реки проявляются полуразрушенные каменные фундаменты строений. Сопоставляя ширину русла реки на исторических картах с современными спутниковыми снимками, с учетом наполнения водами Павловского водохранилища, затопленными, по нашему мнению, оказались земли в 700–800 м южнее, в 150–200 м восточнее и в 300–400 м севернее современной береговой линии площадки мыса.

В 2016 г. сотрудниками отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН (ИЭИ УНЦ РАН) были проведены натурные археологические исследования на площадке памятника восточнее ФОК «Звездный», где были заложены 6 рекогносцировочных шурфов (Рис. 1, А) с целью определения мощности культурного слоя и выявления предметов материальной культуры населения Ельдякской крепости первой трети XVIII – сер. XIX вв. и села XIX – нач. XX вв. Шурфы были заложены на ровной, слегка возвышающейся к основанию мыса пойменной террасе, неповрежденной строительством ФОК «Звездный».

Мощность культурного слоя на исследованной территории памятника составила 0,3–0,4 м. Стратиграфия на участке исследований представлена на верхнем слое в виде серой гумусированной супеси с включениями каменной крошки, фрагментов кирпича мощностью 0,3–0,4 м и нижним слоем из подстилающей материковой супеси желтого оттенка.

Материалы археологических исследований представлены в основном стенками гончарных

¹Акбулатов И. М. Научный отчет о проведении мониторинга памятников археологии Аскинского и Караидельского районов Республики Башкортостан. Бирск, 2009 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

сосудов, немногочисленным остеологическим материалом и железными изделиями, в том числе однолезвийными ножами. Концентрация археологического материала в верхнем и нижнем условных горизонтах рекогносцировочных шурфов № 1–4 сопоставимы друг другу. В рекогносцировочных шурфах №№ 5–6 на краю мыса концентрация керамики во 2 условном горизонте значительно выше, чем в 1 условном горизонте.

Выявленные стенки гончарной посуды делятся на керамику из ожелезненной глины (красный излом) со значительной примесью песка размерами до 0,5 мм (тип 1), хорошо отмученную ожелезненную глину без видимых примесей (тип 2) и керамику из неожелезненной глины (белый излом) с незначительной примесью мелкого песка (тип 3). Всего в рекогносцировочных шурфах были выявлены 178 фрагментов гончарных сосудов, из которых тип 1 представлен 125 фрагментами (70 %), тип 2 – 43 (24 %), тип 3 – 10 фрагментами сосудов (6 %).

Распределение по условным горизонтам фиксирует следующую картину. В первом условном горизонте из 74 фрагментов стенок преобладает керамика тип 1, составляющая 60 % (45 фр.). Тип 2 представлен 22 стенками сосудов (30 %). К типу 3 относятся 7 стенок, составляющие около 10 %. Для второго условного горизонта характерно следующее распределение, где керамика тип 1 представлена 80 фрагментами (77 %), тип 2 – 21 фрагментом (20 %), тип 3 – 3 фрагментами (3 %).

На основании приведенных данных на территории исследуемого этно-археологического комплекса XVIII – нач. XX выделяются 2 основных типа гончарной посуды, связанного с историческими периодами существования крепости и села. На наш взгляд, периоду возникновения и существованию Ельдякской крепости XVIII – сер. XIX вв. характерна керамика первого типа, отмученная из материковой ожелезненной глины со значительной примесью песка.

Керамика второго типа, увеличение доли которой отмечено в первом условном горизонте, и незначительное количество фрагментов третьего типа характерны для последующего исторического этапа, связанного с мирной историей села Ельдяк середины XIX – нач. XX вв. Наличие поливы на керамике также свидетельствует о позднем этапе использования данного типа посуды, которая вероятно является привозной, либо обозначает этап качественного развития гончарства на территории села. Для керамики второго типа использовалась в основном красная полива. Единичные фрагменты белоглиняной керамики типа 3 покрыты исключительно зеленой поливой.

Различия в двух основных типах (тип 1 и 2) керамической посуды на территории села можно наблюдать на примере такого показателя, как толщина стенок сосудов. Для посуды 1 типа характерными показателями является толщина 0,7–1,5 см с усредненными показателями 0,7–0,9 см, тогда как для 2 типа керамики толщина стенок не превышает 0,7 см при средних значениях 0,5 см.

Стоит также отметить, что особенностью гончарных традиций на территории села является отсутствие орнаментации на фрагментах гончарных сосудов, выявленных как в рекогносцировочных шурфах, так и собранных на площадке памятника и на затопленных участках памятника.

Основными формами гончарной посуды являлись горшки, реконструируемые по 40 фрагментам венчиков, и кринки, по найденным двум фрагментам венчиков. Именно горшки являлись наиболее распространенной гончарной посудой на территории Ельдяка.

У большинства фрагментов венчиков горшков отсутствует шейка и тулово сразу переходит в вертикальный, округлый отогнутый наружу недеформированный край с валикообразным (65 %), приостренным (25 %), либо прямым краем (10 %). Указанный тип венчиков с вариантами края аналогичен типу II А, II Б села Николо-Березовка конца XVI – нач. XX вв. [Камалеев, Ахатов: 2015, С. 50]. Помимо указанных венчиков, к локальным вариантам следует отнести отогнутый наружу венчик с ложбинкой по краю. Указанные формы венчиков характерны для горшков раннего и позднего периодов истории Ельдякской крепости.

В целом, керамический материал рекогносцировочных шурфов отражает исторические периоды бытования глиняной посуды в Ельдякской крепости, затем в селе Ельдяк середины XIX – нач. XX вв. Следует отметить довольно ограниченный характер гончарного дела на территории Ельдяка, а также однообразие используемой глиняной посуды, ее форм и отсутствие орнаментации.

По воспоминаниям сотрудников ФОК «Звездный», во время строительства корпусов комплекса находили различные украшения, в том числе серебряные, а также многочисленные предметы из железа и керамики. В ходе натурального осмотра территории памятника были выявлены два фрагмента чугунных котлов (диаметр венчиков 19 см), листовидная совковая лопата с верхней тулейкой и широкое железное кольцо диаметром 6,7 см с крючком (Рис. 2, № 1–2, 4). Последний предмет, с точки зрения этнографии, использовался для подвешивания грузов или туш домашнего скота с целью дальнейшей разделки.

Еще один предмет, связанный с домашним животноводством, был найден в рекогносцировочном шурфе № 3 и представляет собой железное кольцо с подвижным вращающимся крюком, используемый для привязывания и выгула молодняка (Рис. 2, № 3). По сведениям А. З. Асфандиярова в 1842 г. на 337 дворов приходилось 1750 лошадей, 223 коровы, 3600 овец, 80 коз, 1330 свиней [Асфандияров: 2009, С. 494].

Из индивидуальных предметов следует выделить глиняное пряслице диаметром 4 см, найденное в шурфе № 1, как свидетельство ткачества на территории села (Рис. 2, № 6). В шурфах №№ 1, 4 и 5 были найдены фрагменты однотипных желез-

ных однолезвийных черешковых ножей, длиной черешка 9–10 см и шириной лезвия 1,5 см (Рис. 2, № 5).

Археологическое изучение укрепленных поселений и крепостей XVI–XX вв. на территории Башкирии началось сравнительно недавно и ставит своей основной задачей изучение быта и материальной культуры военного служилого населения. Керамический материал, полученный в ходе археологических исследований на территории Ельдяка, фиксирует этап военной истории крепости, а затем наступления мирного периода в селе Ельдяк.

Список литературы

1. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. Уфа: Китап, 1997. 256 с.
3. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999. 512 с.
4. Камалеев Э. В., Ахатов А. Т. Историко-археологическая характеристика культурного слоя с. Николо-Березовка XVI–XX вв. // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа, 2015. С. 45–52.
5. Колонских А. Г. Общая характеристика укрепленных поселений бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 87–94.
6. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии : сборник документов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1975. 492 с.
7. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Уфа: Китап, 2002. 768 с.
8. Модестов Н. Н. Село Табынское и вознесенская пустынь, Табынская икона Божьей матери и крестный ход из села Табынского в г. Оренбург и другие места Оренбургской епархии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Оренбург, 1914. 80 с.
9. Обыденнова Г. Т., Овсянников В. В., Бубнель Е. В., Проценко А. С., Бабин И. М. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 278–295.
10. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, Ч. 2. Уфа, 1966. 643 с.
11. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Уфа, 2001. 295 с.
12. Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Часть 2. СПб., 1762. 262 с.
13. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891. 352 с.

Сведения об авторе

Камалеев Эльвир Винерович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала ИЭИ УНЦ РАН. Уфа, Россия.

kamaleev-ilmir@mail.ru

Magistra Vitae.
2018. No 1. P. 160–168.

ARCHEOLOGICAL COMPLEX “ELDYAKSKAYA FORTRESS” THE FIRST HALF XVIII – XX CENTURIES

E. V. Kamaleev

*Institute of Ethnological Research. R.G. Kuzeeva Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia. kamaleev-ilvir@mail.ru*

The article presents the results of the historical and archaeological study of the Eldyak fortress of the 18th – early 20th centuries. The outpost was established as a key stronghold of the Russian government in the north of Bashkiria, where the Cossacks were resettled for military service. From the day of its foundation, the first settlers of the fortress took an active part in suppressing the Bashkir uprising of 1735-1736, and in the key battles of the Pugachev's Rebellion in 1773-1775 on the territory of Bashkortostan. The archaeological study of the cultural layer of Eldyak records two historical stages. The first stage is connected with the limited military life of the Cossacks of the eighteenth and first half of the 19th centuries. The second period comprises a peaceful history of the inhabitants of the village of Yeldyak in the second half of the 19th - first half of the 20th centuries.

Keywords: *modern history, surface material, pottery, cultural layer, Eldyaskaya fortress.*

References

1. Asfandijarov A. Z. (2009) *Istorija sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nyh territorij* [History of countryside and villages of Bashkortostan and adjacent territories]. Ufa, Kitap, 744 p. (in Russ.).
2. Bukanova R. G. (1997) *Goroda-kreposti jugo-vostoka Rossii v XVIII v.* [Fortified cities in the south-east of Russia in the XVIII century]. Ufa, Kitap, 256 p. (in Russ.).
3. Gvozdikova I. M. (1999) *Bashkortostan nakanune i v gody Krest'janskoj vojny pod predvoditel'stvom E. I. Pugacheva* [Bashkortostan on the eve and during the Peasants' War under the leadership of Ye. I. Pugacheva]. Ufa, Kitap, 512 p. (in Russ.).
4. Kamaleev E. V. and Ahatov A. T. (2015) *Istoriko-arheologičeskaja karakteristika kul'turnogo sloja s. Nikolo-Berezovka XVI – XX vv.* [Historical and archaeological characteristics of the cultural layer Nikolo-Berezovka village in XVI – XX centuries], in: *Jetnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ja: istorija i sovremennost'* [Ethnoses and cultures of the Ural-Volga region: history and modern times]. Ufa, pp. 45–52 (in Russ.).
5. Kolonskih A. G. (2016) *Obshhaja karakteristika ukreplennyh poselenij bahmutinskoj kul'tury Ufimsko-Bel'skogo mezhdurech'ja* [General characteristics of fortified settlements of the Bakhmutin culture of the Ufa-Belsky interfluve], in: *Jetnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ja: istorija i sovremennost': materialy Jubilejnoj X Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii molodyh učennyh* [Ethnoses and cultures of the Ural-Volga region: history and modern times: materials of the Jubilee X All-Russian scientific-practical conference of young scientists]. Ufa, IJeI UNC RAN, pp. 87–94 (in Russ.).
6. *Krest'janskaja vojna 1773–1775 gg. na territorii Bashkirii: sbornik dokumentov* (1975) [The peasant war of 1773-1775. In the territory of Bashkortostan: a collection of documents]. Ufa, Bashk. kn. izd-vo, 492 p. (in Russ.).
7. *Materialy po istorii Bashkortostana. Orenburgskaja jekspedicija i bashkirskie vosstanija 30-h godov XVIII v.* (2002) [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 1830th]. Ufa, Kitap, 768 p. (in Russ.).
8. Modestov N. N. (1914) *Selo Tabynskoe i voznesenskaja pustyn', Tabynskaja ikona Bozh'ej materi i krestnyj hod iz sela Tabynskago v g. Orenburg i drugie mesta Orenburgskoj eparhii* [The village of Tabynskoye and the Ascension Desert, the Tabynskaya icon of the Mother of God and the procession from the village of Tabynskago to Orenburg and other places of the Orenburg diocese], in: *Trudy Orenburgskoj učennoj arhivnoj komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission]. Issue 31, Orenburg, 80 p. (in Russ.).
9. Obydenova G. T., Ovsjannikov V. V., Bubnel' E. V., Procenko A. S. and Babin I. M. (2016) *Istorija arheologičeskogo izučeniya krepostnyh sooruzhenij Bashkirskogo Priural'ja* [History of archaeological study

of fortifications in the Bashkir Urals], in: *Povolzhskaja arheologija* [Volga Archeology]. No. 4 (18), pp. 278–295 (in Russ.).

10. *Očerki po istorii Bashkirskoj ASSR* (1966) [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. Vol. 1, Ch. 2, Ufa, 643 p. (in Russ.).

11. Rychkov P. I. (2001) *Istorija Orenburgskaja po uchrezhdeniju Orenburgskoj gubernii* [Orenburg History on the Establishment of Orenburg Province]. Ufa, 295 p. (in Russ.).

12. Rychkov P. I. (1762) *Topografija Orenburgskaja, to est' obstojatel'noe opisanie Orenburgskoj gubernii* [Topography Orenburg, that is a detailed description of the Orenburg province]. Chast' 2. SPb., 262 p. (in Russ.).

13. Starikov F. (1891) *Istoriko-statisticheskij ocherk Orenburgskogo kazach'ego vojska s prilozheniem stat'i o domashnem byte Orenburgskih kazakov, risunkov so znamen i karty* [Historical and statistical essay Orenburg Cossack troops with an article about the home life of Orenburg Cossacks, drawings from banners and maps]. Orenburg, 352 p. (in Russ.).

Приложение

Рис. 1. (цв.) Карты Ельдяцкой крепости. А – спутниковая карта территории Ельдяцкой крепости. 1-6 – рекогносцировочные шурфы 2016 г.; Б – топографическая карта крепости. Пунктиром указаны границы до затопления. В – «План Ельдяцкой крепости 1804 г.» (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Т. 2 Д. 3690); Г – «План Ельдяцкой крепости 1828 г.» (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Т. 2. Д. 3687).

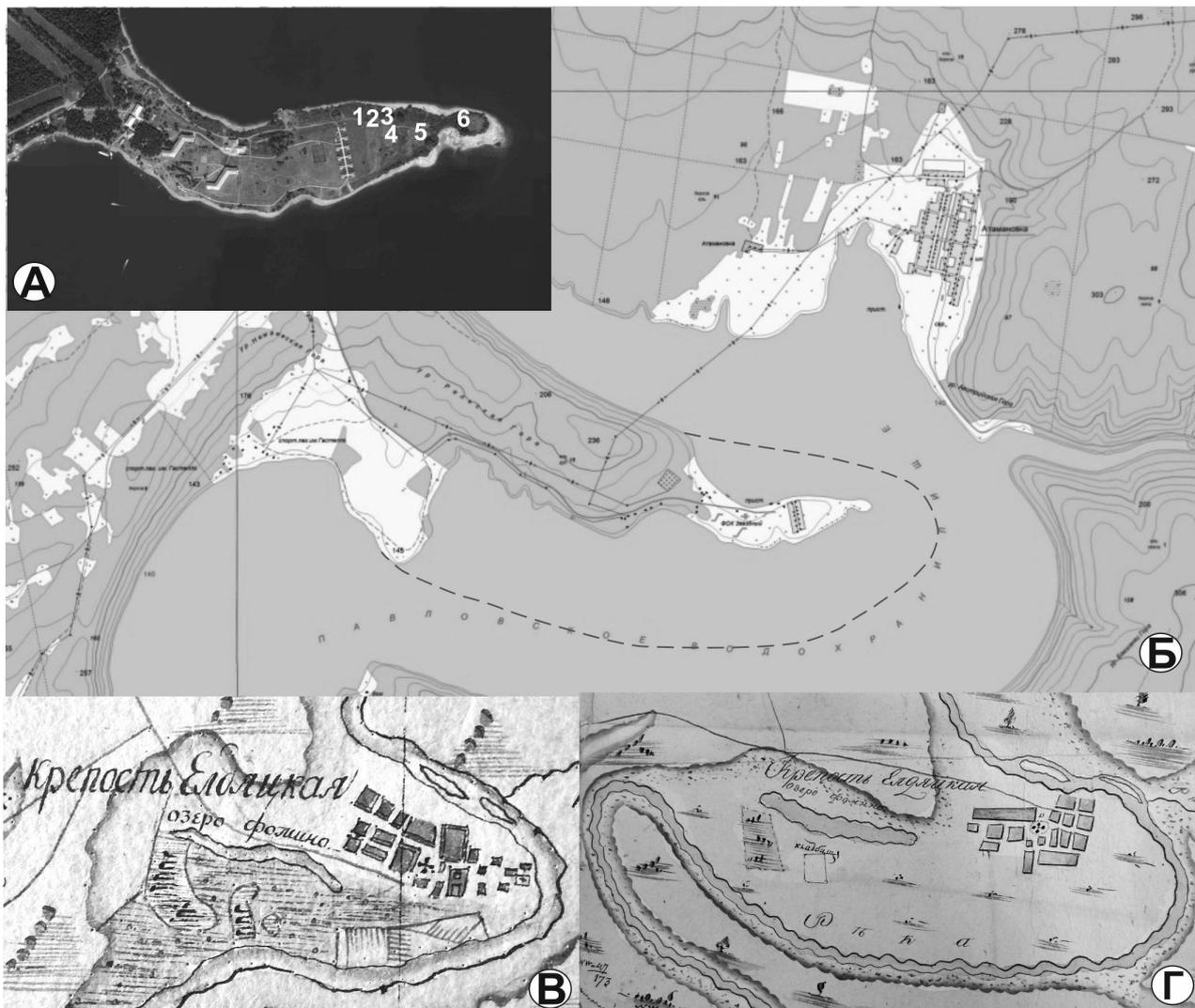

Рис. 1. (ч/б) Карты Ельдяцкой крепости. А – спутниковая карта территории Ельдяцкой крепости. 1-6 – рекогносцировочные шурфы 2016 г.; Б – топографическая карта крепости. Пунктиром указаны границы до затопления. В – «План Ельдяцкой крепости 1804 г.» (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Т. 2 Д. 3690); Г – «План Ельдяцкой крепости 1828 г.» (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Т. 2. Д. 3687).

Рис. 2. Индивидуальные находки с территории Ельдяжской крепости. 1 – фрагмент чугунного котла; 2 – совковая лопата; 3 – железное кольцо с подвижным крюком; 4 – железное кольцо с крюком; 5 – фрагмент железного ножа; 6 – глиняное пряслице.